

ISSN 0132-2141

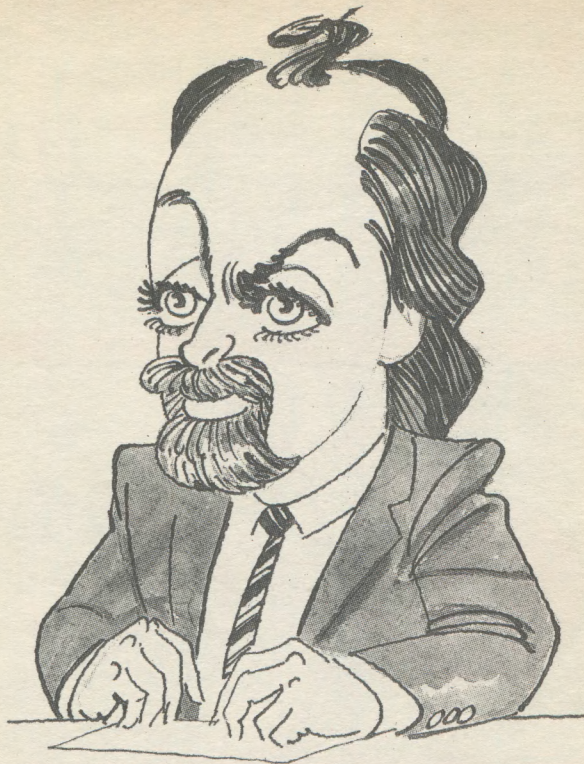

№ 15

Григорий КРОШИН

ОДИН ЗА ВСЕХ

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Ну, что за проблемы у сатириков сегодня! Вот совсем недавно действительно были проблемы. Главная их них такая: смеяться позволялось лишь внутренним голосом. То есть попросту давили сь от смеха. В строчки это, как правило, не воплощалось, так как предполагалось, что читать сатиру надо между строк. Сегодня же этого уже не требуется! Можно, наконец, все что угодно сказать вслух, открытым текстом! Но в этом-то вся и проблема...

Ир. Кошкин

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 15

(1075)

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Григорий КРОШИН

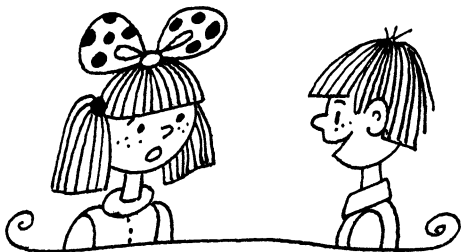
ОДИН ЗА ВСЕХ

Рассказы, фельетоны, пародии

Рисунки В. ШКАРБАНА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1989**

ИГРА

Вечерело. Они стояли в глубине двора и, ни на кого не обращая внимания, сосредоточенно ссорились.

— Давай договоримся так, — вроде бы спокойно начала Она и вдруг ка-ак взвизгнет не своим голосом: — Можешь катиться на все четыре стороны! Скатертью тебе дорога!! Мигом!!!

— Подумаешь, и уйду, — спокойно, по-мужски сказал Он. — Велика потеря! Ты мне вовсе не нужна! И тряпки твои тоже. Все можешь себе забирать. Стол только возьму, и все. Письменный.

— Что-о-о?! Сто-о-о-ол? Который м о я мать подарила?!

— Твоя-я?! Ох, держите меня! Смешно, ей-богу! Все же знают, что это нам м о я мать...

— Нет уж, дудки, моя!

— Нет, моя! И стол — моя, и стул — моя!

— Да если на то пошло, твоя мамочка...

— А твоя-то, знаешь, вообще!..

— Нет, это твоя вообще! А не моя.

— Нет, именно твоя!!!

— Ну, и мелочной же ты! Раз ты так — ничего не получишь! Вот! Ни стола, ни стула, ни чашки, ни ложки, ни Салтыкова, ни Щедрина, ни мамино Сибиряка, ни...

— Ха-ха-ха, но позволь...

— Не позволю! В суд на тебя подам, все отсужу, а тебя посажу!!! Мигом!

— А! Ясненько. Раз ты так, тогда я...

— Мари-и-ина-а! — раздался вдруг сверху женский голос. — Иди-ка скорее ужинать! Мигом! Все уже на столе стынет!

Он и Она одновременно обернулись на голос: на балконе пятого этажа стояла молодая женщина в фартуке поверх джинсов.

— Мигом, мигом!!! — еще раз прокричала она и ушла с балкона в комнату.

— Тебя зовут, — огорченно сказал Он и надулся совсем не по-мужски.

— Предки с работы пришли, — грустно сказала Она. — Сейчас опять начнут... Ну, да ладно, привет. Завтра доиграем... Ты придешь?

— Приду, конечно, — сказал Он. — Если не отвезут к бабушке.

ОДИН ЗА ВСЕХ

В нашей конторе что главное — так это взаимовыручка. Как говорится, один за всех и все за одного.

Ну, вот подходит как-то к моему столу Таранькин:

— Согласуй, — просит, — мою бумагу в министерстве, а? Тебе все равно ведь туда по своим делам надо. Лады?

— Твою бумагу? А ты сам-то что же?

— А я в другой раз тебя выручу. Мне это дело надо сегодня позарез проверить, а у меня, понимаешь, как раз бассейн.

— Как раз что? — не понял я.

— Ну абонемент у меня. На четырнадцать ноль-ноль.

— Так в четырнадцать ноль-ноль мы вроде раб...

— Ну, ты, Костиков, прямо как маленький! Не понимаешь, что ли? Я шефу сказал, что мне надо срочно отлучиться по семейным обстоятельствам, а ты, дескать, меня подменишь, выручишь, визитируешь эту бумагу. Да ты не бойся, с тобой ничего выяснять не будут, они ж тебя не знают — подпишут, и привет. Пустяки. Лады?

Лады... Поехал в министерство. А назавтра Таранькин опять ко мне:

— Ну, спасибо, Костиков! Ты меня прямо спас. Хорошо все-таки, что в нашей дружной конторе главное — это взаимо...

— Да, а теперь я тебя хочу спрос...

— Погоди. Подпиши у них еще одну мою бумагу, а? Ну прошу тебя! Мне же не подпишут, а тебе это раз плюнуть. Тебя-то они уже знают. А я в это время по твоим делам куда хочешь скатаю, лады?

Лады. Я поехал по делам Таранькина, он — по моим. Постепенно все в конторе узнали, что мне легко удастся визировать чужие бумаги в чужих инстанциях. Вот и наш конструктор Инна Ивановна подходит ко мне в конце дня:

— Костиков, вы не сбегаете мне в бюро, не подпишете у них одну мою бумагу?

— Я одну вашу, а вы...

— Правильно. А я пока чего-нибудь из ваших бумаг куда-нибудь отвезу. Если, конечно, в сторону Рижского вокзала...

— Почему именно в сторону Рижского? — сначала не понял я. Но

потом уж, когда посмотрел на ее покрасневшее лицо, все понял. Вернее, вспомнил: все в конторе знают, что у нее... как бы это сказать... ну, служебный роман с новым инженером из смежного отдела, а он ежедневно ездит с работы как раз в сторону Рижского... Я смутился. — Ну, что вы, Инна Ивановна, бог с вами! Все я вам, конечно, подпишу у кого надо. И Таранькину заодно. Вы же знаете, у нас в конторе один за всех... А мне в стороне Рижского ничего не надо, спасибо.

— А-а, поняла. За вас уже Таранькин делает, да?

— Нет, он побежал куда-то с бумагами Стеклова. А вот Стеклов — за меня. Мне мои бумаги не подписывают, а для него это раз плюнуть...

И так вот мы уже месяца два друг за друга ездим, визируем, согласовываем. Взаимовыручаем один другого. Свои узколичные рабочие интересы напрочь выбросили из головы. Кто чем примерно заниматься должен — не помним. Да что там мы! Шеф, и тот уже ничего не помнит. Встретил как-то меня в коридоре:

— А вы что здесь делаете?

— А я, — отвечаю, — в отделе у вас работаю.

— Странно, у меня ж в отделе еще кто-то был...

— Верно. Но они все сейчас по делам разбежались, кто где. Таранькин, например, стекловские бумаги у кого-то подписывает. Инна Ивановна, сами знаете, в смежном отделе находится, заодно для меня там что-то согласовывает — у нее все равно там роман... Я вот — за Таранькина здесь вкалываю.

— Не пойму, — не понимает, — почему вы все друг за друга вкалываете? А каждый за самого себя уже не может, что ли?

— Шеф! Вы что же, забыли! Мы же все за одного, а один за всех! А если б каждый свое дело делал — это ж форменный индивидуализм налицо. Никакой взаимовыручки.

Так все и шло, пока испытание не навалилось на наш дружный коллектив. Звонят из главка, намекают, что высокооплачиваемых сотрудников у нас многовато, а работы от нас давненько никакой не видно. И предлагают сократить одну штатную единицу.

Что делать, неделю мы думали-гадали — кого? И тут опять подходит к моему столу Таранькин и говорит как профорг:

— Знаешь, Костиков, одна есть к тебе у коллектива просьба как к самому сознательному из нас. Сократись, а?

— Я-а?!

— Ну, а кого еще, сам посуди. Будем говорить откровенно: я, сам видишь, не могу, занят, бегу по стекловским делам в главк, Инна Ивановна, ты прекрасно знаешь, женщина, да и со смежниками прочно завязана, Стеклов — за нее где-то бегает, что-то визирует... А ты свободен, своей работой вон занимаешься. Пострадай за коллектив, один за всех.

— А моя работа...

— Ты не волнуйся, я все за тебя сделаю в лучшем виде — сбегая, передам, завизирую...

- Но я и сам могу свою работу...
- Ты что это — не доверяешь коллективу, что ли? — обиделся за коллектив Таранькин. — Такой стал?
- Ну что ты, что ты...
- Ну, слава богу, а я-то уж подумал... Стало быть, лады?
- ...Чего не сделаешь ради такого коллектива! Лады.

ХОЧЕТСЯ ПОДНЯТЬСЯ

Как-то на одной из вечеринок меня одолели друзья:

- И не надоело тебе размениваться на мелочи?
- Ну, скажи, неужели тебе не хочется замахнуть на что-нибудь большое?! Вот, например, тема есть: столкновение психологических и морально-этических...
- Понимаю, понимаю, — замахал я руками. — Я ведь тоже все чаще думаю о том, что хватит писать о пустяках.
- Думать мало!
- Или вот еще хорошая тема: всевозрастающее влияние на подрастаю...
- Знаю, знаю я все это, — замахал я руками. — Так иногда хочется подняться над всем этим мелкотемьем, что...
- Вот и поднимись скорее! А ты все о каких-то ЖЭКах, все клеймишь своенравных таксистов, все четвертуешь простаивающие лифты и неосвещенные улицы... И где это ты, интересно знать, откопал соседей, включающих громкоговоритель в три часа ночи? Это же все высосано из пальца! Нет уже всего этого. Нет!
- Поймите же! — замахал я руками. — Мне, повторяю, и самому очень хочется подняться надо всем этим! Очень! Но...
- Ну и что же тебе мешает?
- Или вот возьми, например, такую тему: рост самосознания в конфликте с материализованной...
- Товарищи!!! — Я в последний раз решительно замахал руками. — Товарищи. Друзья. Милые женщины. Я же давно все понял. Критику признаю правильной. Я и сам давно решил для себя, что пора кончать с этой мелкотравчатостью. Хватит стрелять из пушки. Хватит по воробьям. Хватит, спасибо вам...

Вечеринка затянулась за полночь. Я вышел на улицу и глотнул свежего воздуха. На улице было уже пустынно, редкие машины мягко скользили по умытым мостовым. Из-за угла вынырнул зеленый огонек. Я поднял руку. Видимо, я сделал это как-нибудь не так. Или поднял не ту руку... Не знаю. Словом, такси пролетело мимо, даже не моргнув зеленым глазом. Тогда я поднял сразу обе руки, но следующий таксист,

наверное, дал себе торжественное обещание не брать пленных... Заметив вдали появившийся зеленый огонек, я сел на середину мостовой и решил, что только через мой труп... Но зеленый огонек тем временем погас, зажегся красный... А машин не было.

Пока я добирался через весь город пешком до своей улицы, ноги стали деревянными. Я вытянул вперед руку, чтобы в темноте случайно не налететь лбом на магазин отличного обслуживания покупателей, на телефонную будку или фонарный столб... И тут в этом мраке ночи я увидел спасительный свет! Это светилось единственное на этой улице окно: жена не спит... От усталости я с трудом доплелся до лифта и нажал кнопку. «Так хочется подняться над всем этим...» Подняться... Придется подняться пешком. Пройдя восемь этажей, я понял, что до одиннадцатого меня вряд ли хватит. Или хватит удар. Я присел на ступеньку лестницы, чтобы перевести дыхание, и подумал о том, что очень хочется подняться, и еще о том, что рост самосознания в конфликте...

На одиннадцатом этаже скрипнула дверь, жена спустилась ко мне и помогла добраться в нашу квартиру номер сто двенадцать.

Я посмотрел на будильник, потом — на свою левую руку: часы остановились в полночь... Интересно все-таки, который сейчас час? Я повернул ручку транзистора. «ГОВОРИТ МАЯК! — закричал что было сил диктор. — МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ — ТРИ ЧАСА НОЧИ. ПОСЛЕ КРАТКИХ НОВОСТЕЙ СЛУШАЙТЕ ЛЕГКУЮ МУЗЫКУ!!!»...

За стеной зашевелились соседи. А может быть, им тоже хотелось подняться?..

РЕКЛАМА

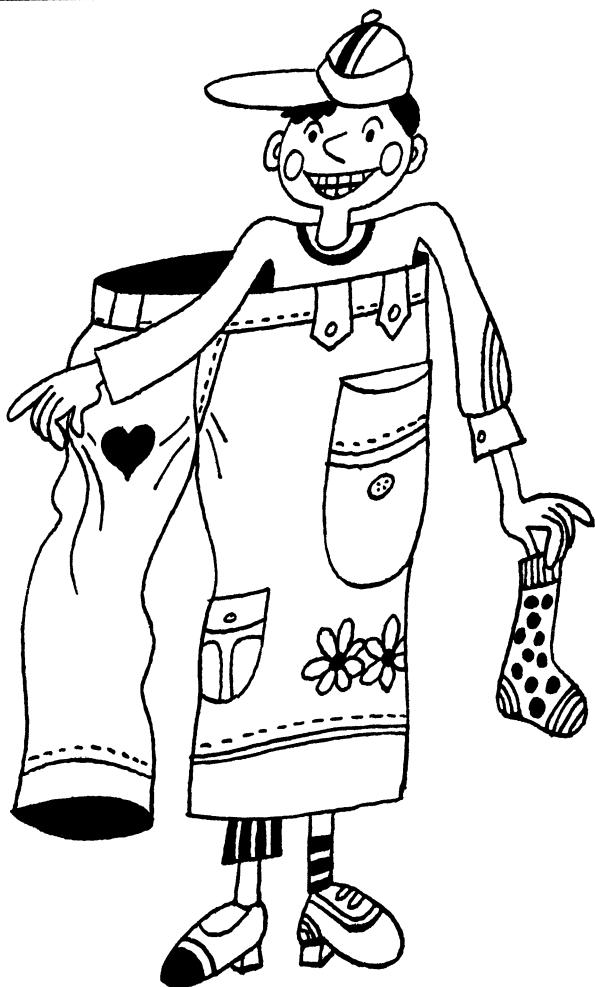
(с совещания по обмену опытом)

... Нет, не понимает наш покупатель великой пользы рекламы — двигателя торговли. Не приучен.

Решили мы в нашем магазине эксперимент научный провести собственными силами. Есть у нас товар так называемый ходовой — джинсы импортные, и есть так называемый бросовый, то есть неходовой, в котором нельзя ходить, — носки мужские местной фабрики (артикул 11267).

Мы, значит, делаем так. Объявляем на эти товары широкую изобретательную рекламу. Причем, надо сказать, рекламируем умно, дифференцированно, а не все под одну гребенку. Потому что цели нашей рекламы разные: для одних товаров — чтоб давки и столпотворения в магазине не было, для других — чтоб их тоже иногда покупали.

Рекламируем, к примеру, джинсы не наши. Разъясняем населению на всех углах, что джинсы ихние хоть и сшиты как положено, но в ход-

бе совершенно неудобны, сделаны размер в размер, сообщаем, что в них неуютно в консерватории слушать музыку советских композиторов, холодно в мороз и некрасиво в личной жизни... Еще даем ряд дополнительных сведений о международном положении и о наших достижениях на брючном фронте.

И что же?! Никакого эффекта на нашего покупателя реклама не возымела. Как только в последний день месяца выбрасываем очередную партию не наших джинсов — в момент расходятся.

Или вот носки мужские (арт. 11267) нашей уважаемой носочной фабрики. Мы во весь голос трубим, что это самые носки в мире носки. Что, по свидетельству ведущих медиков, эластичные уважаемые носки нашей фабрики можно использовать как при ходьбе на работу, так и в обратном направлении, а также в выходные и предпраздничные дни в районах с вечной мерзлотой. Что розовый в синий горошек цвет мужских носков создает у остальных прохожих веселое настроение, так как приятно гармонирует с желтой соломенной шляпой, продающейся с носками в праздничном наборе. Что, наконец, носки мужские (арт. 11267) при желании можно использовать не только на указанный размер, но и на два, а то и на все три размера меньше.

И опять никакого толку. Забиты прилавки, полны склады. Несмотря на рекламу.

И вот тут нам пришлось в голову пойти еще на одну хитрость с использованием рекламы в торговле. Мы решили в порядке эксперимента попробовать сказать правду о рекламируемом товаре, то есть о носках уважаемой фабрики (арт. 11267). Правда, покупать их пока все равно не стали. Но сдвиги намечаются. После появления нашей новой рекламы местная газета напечатала фельетон о директоре носочной фабрики. Потом его сняли с занимаемой должности.

Мы надеемся, что хоть эта крайняя мера привлечет покупателей на носки мужские (арт. 11267). Посмотрим. Жизнь покажет.

ТРЕШКА С МЕЛОЧЬЮ

Людям со стороны видней, это точно. Вот свежий пример.

Иду я вчера днем по улице, вижу — в нашей палатке опять что-то выбросили. Занимаю, конечно, и я. За мной сразу еще встали, целый хвост. Подходит моя очередь, даю продавщице трешку и мелочь серебром. Она деньги берет и отвлекается на посторонний разговор с кем-то на заднем плане. Ну, жду я минут пятнадцать для приличия, потом говорю ей:

— Девушка, я уже, между прочим, полчаса вас без толку жду. Вы не забыли про мои деньги?

— Что? Какие еще деньги? — спрашивает она и продолжает свой малоинтересный разговор на заднем плане.

— Ну, как же... Трешка, мелочь серебром, неужели не помните? — поворачиваюсь к очереди. — Граждане, вы-то, конечно, видели?.. Молчание. Наконец первая за мной говорит:

— Я лично, своими глазами ни копейки не видела. Никогда.

— А вот я, — сказала третья, — тоже не видела. Как сейчас помню.

— Парень, не задерживай очередь! — крикнул примерно сороковой, боялся, наверное, что ему не хватит. — Рабочий день кончается, а у меня там еще на столе портфель остался.

— Подумаешь, и у меня портфель! У всех портфель!

— Продавец! Давайте так: у кого портфели, тем отпускайте без очереди!

— Сами разбирайтесь, мне все равно. Мне — лишь бы платили.

— Но я же как раз заплатил — трешку, мелочь серебром...

— Да вы что?! — подскочила продавщица. — Общественность, значит, по-вашему, врет, да? Врет?!

— Между прочим, я девятый, — сказал девятый, — но стою все время первым, верно? Чтоб кто-нибудь не влез, верно?

— Еще бы! Вас все знают. Вы тут всегда стоите.

— Так вот что я видел. Вы вытащили из кармана платок, вытерли им лицо и положили обратно в тот же карман. Вот.

— А деньги?

— Какие деньги? Я всегда говорю только о том, что лично видел и слышал. Никаких денег я не видел и не слышал.

— И я не слышала, — сказала пятая. — Я вообще дальтоник. Может, та трешка, которую он вам давал, была зелененькая, а может, красненькая...

— Кра-а-асненькая?! Что же, по-вашему, он мне дал вообще червонец, да?! Это уж вы бросьте!

— Я говорю только о том, что не видела. Может, шестая видела? Пусть скажет.

— Это кто это шестая? Я те покажу шестую! Отстаньте все от меня! У меня и так на работе втык, и мужик пьет. Ничего я не видела, поняли? И его в первый раз вижу. Он не стоял!

— Я-а-а-а? Не стоя-а-ал?! Не-ет, вы...

— Подождите, не кипятитесь. Вспомните, может, вы ей денег не давали, — сказал девятый, — если честно, а?

— Если честно?.. — чувствую, что-то со мной не то. — Может, и не давал... Платок вроде давал.

— Ну вот, давно бы так.

— Парень! — крикнула продавщица. — Иди сюда, нашлась твоя проклятая трешка!

— И мелочь серебром?

— Молодой человек, не надо наглеть, — сказали из очереди. — Ска-

жите спасибо за трешку. А серебро никто не видел. Радуйтесь, что хоть трешка нашлась.

— Как это нашлась, если я не давал?

— Чего не давал?

— Ничего не давал. Все же могут подтвердить. Общественность же не будет врать, правда?

— Подождите, но она же н а ш л а вашу трешку у себя в кармане.

— А чем докажете, что это моя? Лично я к ней в карман не залезал.

— Но есть же свидетели! Им со стороны-то видней.

— Свидетели? А они не стояли! Я их лично не видел. Своими глазами. Как сейчас помню.

...Хватит. Скоро полшестого, конец рабочего дня, а у меня там на рабочем столе портфель остался...

ХОРОШИЙ АВТОМАТ

— Люб, пойду, что ли, газировки выпью,— крикнул инженер Агальцов в сторону кухни и вышел на улицу.

Уже выйдя, инженер пошарил в карманах: кроме трех гривенников и двушки, никакой мелочи не было. Впрочем... Рядом с газировкой, как хорошо помнил инженер, стоял разменный автомат: $10 = 3 + 3 + 3 + 1$. Агальцов, естественно, к нему.

Бросил наудачу гривенник в прорезь. В ящике что-то щелкнуло, зеленая лампочка погасла, потом он словно закашлялся и вскоре успокоился, высыпав мелочь в нижнее окошко. Агальцов взял оттуда мелочь и повернулся было к ящику с газировкой, но... что-то его остановило. На ощупь ему показалось, что в руке у него нет самой маленькой монетки — копейки. И действительно: разжав ладонь, он увидел в ней... четыре(!) трехкопеечные монеты. То есть вместо трех. «Вот тебе и автоматика. Безобразия, да и только», — сердито подумал инженер, принципиально не терпевший никаких безобразий ни на службе, ни в личной жизни. Однако вслух пока на всякий случай сигнализировать не стал, а просто решил проверить работу автомата еще разок.

Бросил в ящик другой гривенник, снова сгрел в окошечке монеты — и... опять четыре! «Да-а-а, безобразие, больше ничего. По вине какого-то растапы-техника государство наше за здорово живешь по целых две лишних трудовых копейки направо-налево разбазаривает. И всем хоть бы что! Никто даже не догадается хотя бы отключить его!

Инженер Агальцов, чтоб уж окончательно убедиться в этом безобразии, опустил в прорезь свой последний гривенник — и... снова то же самое. А больше у него, как мы знаем, мелочи не было. Только двенадцать трехкопеечных монет и одна двушка.

Агальцов машинально двинулся прочь от ящика, мучительно обдумывая ситуацию: «Та-а-ак. Теперь, значит, у меня 38 копеек вместо 32... Ничего себе!» Он и не заметил, как вошел в универмаг на углу, встал в очередь в кассу...

«Интересно... Это ж каждому первому встречному задарма, то есть абсолютно ни за что ни про что, падают с неба лишние две копейки, а? А если человек сто в день подойдет? А? А если тысяча?? А если каждый бросит по гривеннику? А если как вон я, не по одному?.. С ума сойти!

— Вам что, гражданин? — прервала его мысли кассирша.

— Мне-то?.. — Он вздрогнул, оглянулся по сторонам и прошептал: — Мне... если можно... разменяйте рубль гривенниками!

Инженер Агальцов вышел из универмага и снова оказался у того самого разменного автомата. Рядом с ящиком, к счастью, никого не было. Держа себя в руках, инженер как можно хладнокровнее бросил в прорезь один за другим все десять гривенников, забрал из окошечка все трехкопеечные монетки и, не оглядываясь, быстро завернул за угол. Там на стене дома висел телефон, возле которого уже стояли двое, звонить. Он встал тоже.

Когда подошла его очередь, Агальцов положил двушку, снял трубку, набрал номер, двушка провалилась, и в трубке хрустнуло, он услышал знакомое «да?» и прижался почти к самому аппарату, плотно прикрыв рот рукой:

— Люб, это я... Что? Да нет, Люб, я именно туда попал, куда надо, просто я тут... несколько стеснен, понимаешь, Люб, телефон на улице прямо, кругом люди... Да я это, я!!! Муж твой! Слышишь? Ну вот. Я не кричу, я звоню, чтоб предупредить тебя, что задержусь. Дела, Люб, дела... Тут, понимаешь, одно безобразие надо ликвидировать... Что? Да ни во что я не ввязываюсь, просто ты же знаешь, когда я вижу какое-то безобразие... Где я? Ах да, я на углу, около универмага... Нет-нет, все спокойно, ты не волнуйся, ничего, абсолютно ничего не дают! И деньги мне не нужны... хотя... Люб, знаешь что, приезжай-ка сюда! Да нет, ничего со мной не случилось, а сказать тебе надо многое... Нет, Люб, дома не получится. Только здесь, на углу... В общем, жду. Подожди! Не клади! Захвати деньги, какие есть у нас, и серебро тоже... нет, не столовое, а мелочь серебром, поняла? Не поняла? Ну и не надо. Пока. Жду.

...Люба примчалась на такси. Инженер молча схватил жену за руку, потащил за собой. Когда они подбежали к автомату, инженер Агальцов опешил: на ящике висела табличка «АВТОМАТ ОТКЛЮЧЕН».

— Безобразие, больше ничего, — только и мог выдохнуть инженер. И, оставив жену, убежал. Сигнализировать о безобразии.

ИЗБИТАЯ ТЕМА

Редактор заводской многотиражки сказал:

— Напиши-ка в следующий номер о том, что л и ч н о тебя волнует, понимаешь?

До самого конца смены я, не прерывая работы, спокойно размышлял, что же меня волнует? Какая большая, серьезная проблема не дает мне беззаботно спать?..

После смены я машинально открыл дверь нашего клуба. В неестественно красном уголке шло собрание:

— Товарищи! — делая вид, что читает по бумажке, наизусть сказал профорг. — На повестке дня — персональное дело наладчика Князькова В. В., который, используя в своих корыстных целях государственное имущество, ударил им сборщицу Богатыреву Л. А., мать троих детей, убив при этом шесть минут драгоценного рабочего времени!

Потом взял слово представитель общественности:

— Хотя мы и не имеем полного кворума, — искренне прочел он, — я от вашего имени предлагаю считать ваши будущие аплодисменты...

...Я вышел на улицу. Глаза уткнулись в стеклянную витрину «Не проходите мимо». Я решил не проходить и прочел: «Сатирическое окно. За отчетный период на нашей улице отмечены значительные успехи в области искоренения незначительных недостатков. Кое-какие промахи допустили некоторые граждане в части злоупотребления отдельными напитками. Надо с корнем вырвать таких граждан, большинство из которых составляют ничтожное меньшинство!»

Придя домой, я увидел письмо из домоуправления: «На Ваш исходящий № без номера сообщаем, что совещание по охвату жильцов спортивно-оздоровительными мероприятиями весенне-летнего сезона состоится сегодня в 20.00. Явка строго желательна».

Голова раскалывалась. Хотелось легкой музыки наших композиторов. Я включил радио. Передавали что-то детское: «Дорогие ребята! На камвольно-суконном комбинате ширится...» Я с трудом добрался до кресла и почувствовал, что стало покалывать в левом верхнем углу... Кажется, что-то меня все-таки волнует...

...Утром я в цехе встретил нашего редактора:

— Вот, — убежденно сказал я и протянул ему записку.

— Ну, что тут у тебя? — видимо, предвкушая удовольствие, сказал редактор.

— Тут, как вы и просили, — смутился я, — о том, что л и ч н о меня волнует...

Он взял рукопись, и к концу чтения лицо его вытянулось в недовольную гримасу.

— Ну, что ты, старик?! Было. Про этот казенный язык уже тысячу раз писали. Избитая тема. Да и нежизненно, понимаешь?

Я не понимал. И тогда он спокойно и как-то очень доходчиво объяс-

нил мне, что В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ РЕШЕНИЙ ЗАВКОМА В КОЛЛЕКТИВЕ НАШЕЙ МНОГОТИРАЖКИ ШИРИТСЯ БЕСКОМПРОМИССНАЯ БОРЬБА ЗА БЕСПЕРЕБОЙНОЕ СНАБЖЕНИЕ ВЗЫСКАТЕЛЬНОГО ЧИТАТЕЛЯ ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ЗЛОБODНЕВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ, НАПИСАННЫМИ НА ОСНОВЕ ВСЕСТОРОННЕГО И ГЛУБОКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ТРУЖЕНИКОВ ЦЕХОВ...

Понимаете?

ЗДРАСЬТЕ — ПРИВЕТ...

- Здрасьте, вот бритва сломалась...
- Здрасьте. Бритвы не чиним.
- До свидания. А не подскажите, где их чинят?
- До свидания. У нас чинят.
- Здрасте-пожалуйста! Вы же сказали, что не чините.
- Это сейчас не чиним. Щеток не завезли.
- А когда же завезут?
- Зайдите через месяцок.
- До свидания... А если я достану вам щеток?
- До свидания. Напрасный труд. Все равно дросселей нет.
- Не завезли?
- Завезли. Только что кончились. Через недельку зайдите. Привет.
- Привет... Но... через недельку ведь щеток еще не будет?
- О-о! Зато будут дроссели. А щетки вы же нам достанете! Привет.
- Неделию ждать?.. Привет. А... если я вам и щеток достану, и дросселей, а?
- До свидания. Не мучайтесь. Все равно мастеров нету.
- Не завезли?.. То есть, извините, я хотел сказать... а где же они?
- Мастера-то? На бюллетене.
- А когда выйдут?
- Через полгода, не раньше. У них инфаркт.
- Инфаркт?!
- Да. Миокарда.
- Да-а... Значит, пока они выйдут, щетки и дроссели могут уже опять кончиться, да?
- Ну откуда я-то знаю?! Что вы от меня хотите?
- Починить электробритву, больше ничего.
- Я же сказал — не чиним. Все ясно? Привет.
- Привет... А что, если... я все сейчас вам достану — и щетки, и дроссели, и мастеров?..
- Слушайте, у меня с вами тоже инфаркт будет! Я же, кажется, ясно сказал: че-рез пол-го-да!!!

- Но почему?
- Раньше никак не выйдет. Бланков квитанций нет.
- Да поймите же вы, мне бритва нужна, а не квитанция! До свидания.
- Здра-а-асьте! Не квитанция, говоришь? Чего ж молчал-то? Странный ты какой-то, ей-богу... Эй, Петро, обслужи-ка клиента! А ты, парень, посиди минут десять, все будет в ажуре. Станный, и чего молчал?..

КОСТИ ДЛЯ ШЕФА

— Здравствуйте,— сказал я, входя в приемную соседнего НИИ.— Я инженер из проектной конторы. Командирован к вам с целью обмена опытом и общения с вашими научными сотрудниками. Это можно?

— Почему ж нельзя?— говорит секретарша.— Научных сотрудников у нас три: Иванов, Сидоров и Скворцова. С кем именно хотите?

— Ну... можно с Ивановым, если можно.

— С Ивановым?— Она взяла со стола толстую тетрадь в коричневом переплете, стала ее листать.— Можно, конечно, и с Ивановым, только его сейчас нет. Он уехал в НИИБэНИИмэ.

— Ну, значит, с Сидоровым. Или со Скворцовой.

— Это пожалуйста! Сразу бы сказали.— Она опять уткнулась в тетрадь.— Во-от... Сидорова нет, он в главке, а Скворцова как раз отсутствует— она в тресте. Полный порядок, как видите. Все отражено в «Журнале учета уходах по служебным делам». Так кто вам еще нужен?

— А кто у вас еще есть?

— Только шеф. Он всегда на месте. Но... он сейчас очень занят, за всех один отдувается. Вряд ли вас примет... Да, слушайте, и зачем вам они все, а? Сами, что ли, не разберетесь в наших бумагах? Пойдемте, усажу вас, дам наши отчеты, перенимайте опыт, вникайте... Идея?

Идея-то идея, но... Я набрал номер своего начальника, объяснил ему ситуацию, получил разрешение несколько дней пробыть в этом НИИ с целью вникания и общения.

...В конце дня мне все-таки удалось пробиться к шефу. Когда я вошел, он рассеянно посмотрел в мою сторону:

— Извините, одному приходится за всех отдуваться... Так что там у вас?.. Ах да, мне говорили. Пожалуйста, вникайте, общайтесь, только... Одно непереносимое условие: если вам понадобится выйти из здания, обязательно запишитесь в «Журнал уходах», не забудьте. Порядок есть порядок. Ясно? Ну, успехов вам...

В последующие дни я изо всех сил вникал, хотя, правда, и не общался: научные сотрудники появлялись минуты на две, на три и тут же улетучивались куда-то, предварительно не забыв, однако, записаться

в «Журнал уходов». Порядок есть порядок, и здесь, надо сказать, он был железный.

— А что, если мне как-нибудь с ними вместе отправиться? — спросил я секретаршу. — Там и пообщаюсь. Разве не идея?

— Нет, не идея. Что ж, вы с ними будете общаться в очередях за туалетной бумагой? Или в железнодорожных кассах?

— Не понял вашей иронии. Судя по «Журналу», они же уходят в какие-то смежные НИИ, в главк, тресты?

— Ну, вы прямо как ребенок! В «Журнале» же не напишешь: поехал в универмаг за плавками для шефа?

— Зачем же вы так? — обиделся я за сотрудников.

— А вы поработайте-ка у нас с месяцок, не так еще забегаете, небось.

Ну, уж дудки! Порядок, называется... Но додумать мысль мне не удалось. Неожиданно меня попросил к себе шеф:

— Извините, наших, как назло, никого нет, приходится вот за всех одному отдуваться. Вынужден просить вас об одной любезности. Не обидитесь, дружок? Только честно, а?

— Ну, что вы, что вы! Какой разговор!

— Ну, прекрасно. Будьте другом, скатайте в ЦУМ — супруга только что позвонила, там сорочки сингапурские выбросили, парочку мне для сына, да и себе, я думаю, заодно возьмете, а? А то я сам, видите, как привязанный, никуда не могу отлучиться, вдруг начальство позвонит, а меня нет на месте — вот вам и пятно на весь НИИ... А? Сделаете по дружбе?

Он уж отсчитал мне деньги, виновато улыбнулся, обнял за плечи, провожая до дверей.

— Да! — вспомнил он что-то. — Забыл самое главное — запишитесь в «Журнал»! Порядок прежде всего, верно ведь?

...На следующее утро я пришел со свертком. У него в кабинете был какой-то человек. Он говорил шефу:

— Пал Пальч, я не был бы Сидоровым, если б не достал. Ну, что вы, какой может быть разговор! Извините, что верхняя полка.

— Спасибо, спасибо, дружок. Ничего, не барин, доедет и на верхней... Значит, по дружбе, два кило, а если свежая, то можно и все три, тебя это не очень затруднит? Только честно, а? Ну, давай гони. — Тут он увидел меня. — А-а, и вы уже здесь? Ну, как, вникаете в наш опыт? — Он взял у меня сверток и сдачу. — Спасибо, вы меня очень выручили. Я, наверное, вас замучил, но... если вас, конечно, не затруднит... в общем... здесь недалеко, в палатке напротив, кажется, есть сейчас кости... для моей собаки, я вас познакомлю...

— Но я... если помните... инженер из проектной конторы... командирован к вам...

— Отлично все это помню! И заранее вам благодарен, дружок! Но самое главное — это...

— ...это записаться в «Журнал!» — догадался я.

— Молодец! — похвалил он. — Порядок есть порядок. До трех часов, я думаю, спокойно управитесь? Буду ждать.

...Я, как положено, записался в главк, купил в палатке костей для его собаки и поехал в свою контору. Рассказал начальнику обо всем, что там увидел. Посочувствовав моим переживаниям, он отпустил меня домой отдыхать.

На часах было половина третьего... Но домой я, конечно, не поехал: надо было не опоздать к трем часам в НИИ с костями для шефа. Ничего не поделаешь — порядок есть порядок.

ПАНИКА

Как у нас еще панике легко поддаются, удивительно!

Смотрю, несет один товарищ арбуз, хотя их, как известно, нигде нету. Значит, думаю, где-то дают арбузы.

— Где, — спрашиваю, — арбузы-то дают?

— Их не дают, — отвечает нехотя. — Я лично купил за углом.

Подумайте, какой весь из себя гордый. Их нигде нету, а ему достался, вот и отвечает уже сквозь зубы. Что ж, я себе арбуз не достану, что ли?! Позвоню Юлии Власовне, она через Автандила что угодно мне из-под земли достанет. Иду за угол — нет, конечно, ничего подобного. Надул меня этот тип. Всегда я прихожу к шапочному разбору. Ни одного человека вокруг, не у кого даже про арбуз спросить. Смотрю — магазин «Овощи — фрукты». Захожу — пусто. Продавщица стоит скучная, огурец доедает. Гнилой, наверное. Из брака.

— Скажите, — спрашиваю, — а что, арбузы уже кончились?

— У нас кончились, — говорит, а сама уже грушу хряпает. Из отходов, видимо. Дюшес.

«Вот ведь народец, — думаю. — Шел с арбузом, не мог сказать, что они кончились, чтоб солидный человек, вроде меня, зря не мотался взад-вперед. Чтоб тебе арбуз попался белый! Что же делать?»

Смотрю, еще один с арбузом тащится. Наглое такое лицо, а сам еле-еле душа в теле, прямо хоть подпорки ставь. Ему этот арбуз и даром не нужен, а все-таки купил, раз такая паника. «Чтоб тебя перекосило», — думаю, а вслух спрашиваю:

— Где же это такой арбузик отхватали?

— Да вон за углом, в палатке.

— С утра записывались? — уточняю.

— Да нет там никого. Подходи и выбирай.

Тот еще фрукт... Тоже, видать, хочет меня по жару прогонять. Нет чтобы поделиться с человеком...

Побежал я на всякий случай скорей за угол, чтоб другие не опередили. А то многие, смотрю, в ту именно сторону бегут с авоськами. Прибегаю — действительно палатка. У палатки, правильно, никого. Продащица стоит, скучает. Ломоть арбуза доедает, видать, бракованный, хотя и красивый, а косточки черные... Рядом гора арбузов под проволочным каркасом.

- Есть, — интересуюсь, — арбузы-то?
- Разве не видите? — говорит. — Выбирайте.
- А-а-а... — говорю, — понятно.

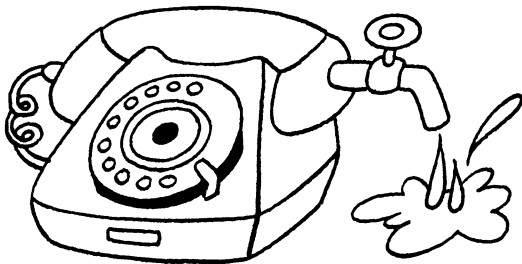
А сам в это время размышляю: вот ведь паникеры. Арбузов-то, оказывается, завались. И чего с ума сходить?

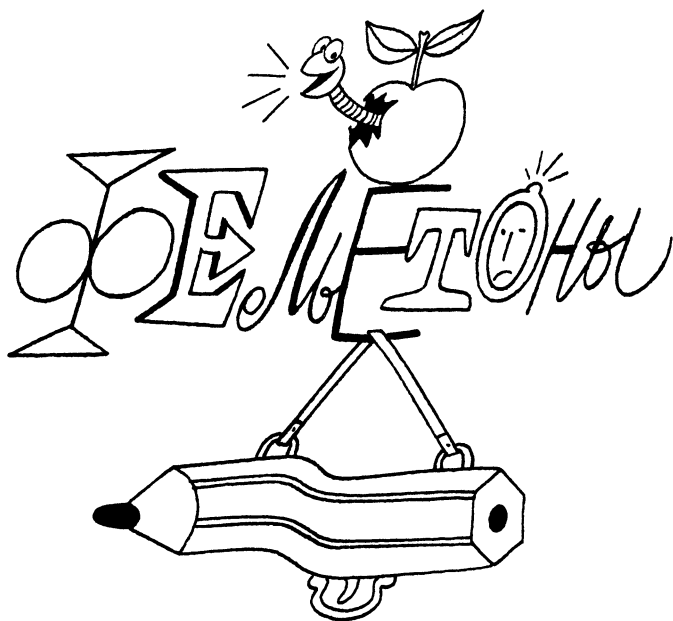
И пошел домой.

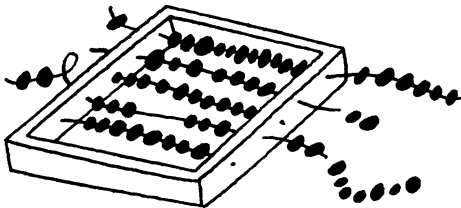
ДВА СЕКРЕТАРЯ

- Алло, попросите главного инженера!
- Он уехал. Будет через неделю.
- Тогда — его заместителя.
- Какого именно? Оськина?
- Нет, лучше Пяткина.
- Пяткина нет, он бюллетенит. Будет двенадцатого.
- Ах да... Ну, тогда можно Оськина.
- Оськина нельзя. Он на совещании в главке.
- Ну, тогда все равно кого — Гусева, Зимина, Скворцову...
- Гусев вышел, будет позже. Зимин в отгуле, а Скворцова на овощной базе помогает. Будут, видимо, завтра.
- Ну, хоть кто-нибудь там есть?!
- Только я.
- Тогда я вас попрошу...
- Нет, нет, я ничего не решу: я чужая, здесь нахожусь в местной командировке. Секретарь попросила ее подменить, раз я все равно жду. А она вышла куда-то.
- И давно вы ее подменяете?
- Скоро неделя.
- Безобразие! А вы-то кого ждете?
- Я-то? Управляющего. Но он...
- Он в местной командировке.
- Да, я знаю. И будет, видимо, через неделю.
- У вас отличная память. Кажется, из вас получился бы чудесный секретарь.
- Спасибо за комплимент. Я, между прочим, кандидат наук...
- Кандидат? В нашей системе, насколько я знаю, только один кандидат наук — Орлова...

- Я и есть Орлова.
- Странно... Ну, товарищ Орлова, раз уж вы там сидите, я вас вот о чем попрошу: если будут спрашивать управляющего, скажите, что я вышел и буду через...
- Подождите, не кладите трубку! Так это вы и есть управляющий?
- Да, а что?
- Как это — что?! Я же жду вас в вашей приемной! Неделю!!
- Ну и что? Я тоже жду вас в вашей приемной неделю.
- Так приезжайте скорей на работу, и мы...
- Не могу, товарищ Орлова. Я в вашей приемной не один. Тут собралось много специалистов с разных сторон, ждем только вас.
- Ну, хорошо. Тогда я сейчас приеду.
- А разве мой секретарь уже пришла?
- Нет еще...
- Значит, товарищ Орлова, вам еще нельзя уходить. Подождите, пожалуйста, пока хоть кто-нибудь вернется. А уж мы еще немного подождем вас здесь.
- Ну, тогда, если меня будут спрашивать, скажите, что я вышла и буду...
- ...через неделю. Правильно?
- Да. Из вас, кстати, тоже получился бы отличный секретарь.
- Спасибо за комплимент. Я, между прочим, доктор наук...

ЭТИ КОВАРНЫЕ КОСТЯШКИ

Дул рядовой, среднестатистический ветер, умеренный, временами до сильного. Стрелку весов качало из стороны в сторону. Продавщицу тоже. О покупателях и говорить нечего — их просто трясло.

— Граждане! Загородите меня от этого самума, — взмолилась продавщица, — а то хуже будет!

И действительно вскоре стало хуже. Гражданам, стоявшим за огурцами у лотка перед магазином «Фрукты — овощи». Их затрясло еще сильнее. То один, то другой не выдерживал:

— Простите, но вы... вроде недовесили мне девяносто граммов.

— А мне — сто...

— И мне, кажется, тоже...

— А пусть вам не кажется, — пошутила продавщица. — Разуйте глаза. Вешайте сами в такой ураган. Кто там следующий?..

В ответ на это следующие последовали в магазин. Вместе с предыдущими — обвешенными, обчитанными и обруганными. Отправились на поиски заведующей. Но ее в зале не было. Были, правда, другие работники магазина, узнаваемые по грязно-белым халатам. Им сейчас было явно не до обвешенных под свист ветра. Они вели нешуточную борьбу с покупателями в самом магазине, толкали их в спину, бесцеремонно хватали за шиворот, в одного правдоискателя даже плюнули.

— А ну, валите отсюда! До обеда все равно обслужить не успеем.

— Как же так?! Надо было предупредить... И, между прочим, еще есть время, чтобы обслужить оставшихся покупателей...

— Это у тебя есть, а у нас нету, понял? Пошевеливайся! Алкаш...

— Я-а?! Алкаш? Да как вам не стыдно?.. Дайте жалобную книгу!

— Не-ету! Вся исписана, а новую не завели.

— Тогда позовите заведующую, Пусть она рассудит.

Позвали заведующую. Она рассудила:

— Давайте все отсюда! Хулиганье! Лыка не вяжут, а туда же — книгу им подавай!.. Пьянь! На ногах еле стоят...

Но покупатели как раз стояли твердо. Все, как один, — и обвешенные, и обсчитанные, и оболганные, и обруганные. И можем обрадовать читателя: достигнут был ими крупный успех! Покупателям удалось-таки исхитриться и получить заветную книгу, а затем, несмотря на ветер и прочие сгустившиеся тучи, не только зафиксировать безобразие в этом магазинном документе, но и — чтоб уж наверняка! — продублировать жалобу в вышестоящую инстанцию, а именно в горплодоовощторг. А что же было делать?

— Что же делать? — тяжело вздохнули в торге. — Жалобы почему-то участились! Но, поверьте, мы не сидим сложа руки. За отчетный период нами проделана...

И корреспонденту было тут же отрапортовано о той полезной работе, коей гордится торг. Объявлено выговоров директорам овощных магазинов столько-то! Из них строгих — столько-то! Ну просто форменное «ура».

— А жалобы участились, — напоминаю я, листая акты проверок: — «...Валеева из магазина № 6 отпустила покупателю капусту квашеную вместо огурцов соленых, а потом обругала его... Шаламова из магазина № 41 взяла с покупателя за бутылку сока на 25 копеек больше... Хапугина, Иванько, Хлопова и Лапкина из магазина № 52 обсчитали проверяющих на 22, 23, 30 и 40 копеек...»

— Да, мы их обсуждали. Хапугина, торговавшая огурцами на улице с лотка, сказала, что в тот день был жуткий ветер, мешал взвешивать товар... Иванько пояснила, что руки от товара были грязные, костяшки счетов от этого залипали, считать было невозможно... Хлопова честно призналась, что вообще не умеет пока считать... А грубость с покупателями... Да, бывает. Но ведь и покупатели-то как себя ведут!

Конечно, от них все зло, от покупателей этих. Не от магазина же, тем более такого образцового, как 52-й. Недаром в его торговом зале две броские, красивые таблички: «НАШ КОЛЛЕКТИВ ГАРАНТИРУЕТ ОТЛИЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ» и «ЗДЕСЬ РАБОТАЕТ БРИГАДА КОМУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА»...

И задумался корреспондент. Раз уж столь невыносима эта работа, раз покупатель до того заелся, что ему не нравится, когда в него плюют, раз продавцов постоянно ловят на обсчете, обвесе, понижают в должности да еще стыдят принародно вслух, стоит ли тянуть и дальше эту опостылевшую лямку за прилавком, а? Может, ну ее, торговлю?

— Почему? — удивляется Хапугина, честной работе которой всячески препятствует ветер, как умеренный, так и до сильного. — Мне работа нравится, да и коллектив у нас хороший, дружный.

— Как это ну ее?! — даже не понимает вопроса Иванько, у которой, помните, вечно залипают эти коварные костяшки. — Не-ет, работа эта по мне, условия подходящие, от дома недалеко, зарабатываю неплохо.

А то, что меня понизили с продавщицы до уборщицы, так это не имеет значения: я же все равно работаю продавщицей у лотка... Коллектив-то хороший, доверяет.

— И мне доверяет, — свидетельствует Хлопова, не умеющая пока считать. — Вон председателем профкома выбрали. А считать я в конце концов научусь, делов-то! В общем, зачем мне уходить, если все меня устраивает, все! Ну, правда, эти покупатели...

Да, все бы ничего, если б не эти...

И тут я вспомнил о красивых табличках:

— А бригада коммунистического труда — это здесь кто?

И ответил почти что хором дружный коллектив:

— Все!!!

А КТО У ВАС В ЖИТОМИРЕ?

Когда уже стало совсем невозможно, все средства были перепробованы, ко всем заинтересованным лицам было воззвано и не получено никаких ожидаемых результатов, гражданка В. пожаловалась в газету. Ну, и что ж тут удивительного?!

А удивительное будет дальше. Нет, гражданка не рассказала ничего из ряда вон выходящего.

Она очень болела за дело, с которым пришла в приемную. Больше того, она за него болела, может быть, даже чуть больше, чем те, кому это следовало делать по должности.

И дальше ничего удивительного и необычного не произошло. Просто редакция, взяв у гражданки все принесенные ею документальные подтверждения своей правоты, внимательно изучила вопрос и напечатала на своих страницах фельетон. О том, как один крупный руководитель одного крупного научного учреждения допустил по крайней мере одну крупную ошибку и вместо того, чтобы прислушаться к мнениям подчиненных, занялся... самими подчиненными.

И в этом, оказывается, тоже не было ничего удивительного.

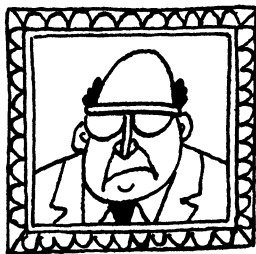
С авторитетных страниц прозвучала критика — что делать? Читатель, вероятно, думает, что надо внимательно прочесть газету, затем подробнейшим образом проанализировать свою ошибку. наконец, вызвать к себе несогласных и с ними вместе докопаться до сути? Вы правы, читатель. Все так и было сделано нашим руководителем.

Он внимательно прочел, все проанализировал и вызвал несогласных. Вернее, несогласную. Гражданку В., свою подчиненную.

— Ну что, довольны? — вместо приветствия сказал он. — Сделали свое черное дело?

— Вы о чем?.. — не ожидала подчиненная такого поворота.

— Ну, бросьте! Вы же жаловались на меня в газету? Вы?

— До этого, вы помните, я неоднократно обра...
— Ага-а, значит, вы! А как же вы это проделали?
— Что именно?
— Ну, расскажите, как вы эту свою жалобу конкретно осуществили?
Куда пришли? Когда именно?

— Просто взяла да и пришла в приемную газеты...
— Ага-а! — потирая руки, заходил по кабинету руководитель. — Значит, пришла в приемную... Значит, в служебное время! Да?
— Нет, в субботу.
— В субботу?.. — несколько растерялся хозяин кабинета. — Та-ак. — Он о чем-то подумал с секунду, потом неожиданно спросил в упор: — А кто у вас есть в Вильнюсе? Отвечайте!
— В каком смысле?.. В Вильнюсе?... Никого вроде нету...
— А кто у вас в Житомире? А в Череповце? А в...
— Я, простите, не совсем понимаю, к чему эти вопросы...
— Бросьте! Все вы понимаете! Вы же знаете, что из Вильнюса, Житомира, Череповца мне пришли вот эти ругательные отклики на фельетон, вы же их организовали! Вы!!!

Подчиненная, конечно, сначала опешила. Потом удивленно посмотрела на кричащего руководителя. Потом сообразила, что к чему. Потом взяла себя в руки. Потом спокойно, но твердо сказала:

— Вы. На меня. Не кричите. Пожалуйста. — И вышла из кабинета.
А он начал готовиться к обстоятельному ответу на выступление газеты. Вы думаете, читатель, он собрал специалистов, внимательнейшим образом проштудировал имеющуюся документацию? Вы частично правы. Собрал. Правда, не специалистов, а сторонников. И проштудировал. Правда, не документацию, а «Журнал записи ухода сотрудников». И показал его сторонникам. А там, в этом «журнале», была одна неувязочка. По поводу ухода В. такого-то числа такого-то года в такую-то организацию. На целый рабочий день.

И опять ее вызвали. И опять сказали:

— Ну что, довольны? А между прочим, вместо того, чтобы писать разные клеюзы в разные газеты, лучше бы работали добросовестно на своем рабочем месте, а не уходили такого-то числа такого-то года в такую-то организацию без разрешения.

— У меня было разрешение.

— Покажите.

— Но вы же знаете, что это обычно делается устно.

— Ничего мы не знаем. Пишите объяснительную.

Что же тут объяснять?! Не написала. Вызвали опять:

— Пишите объяснительную о том, почему до сих пор не написали объяснительную.

И так целую неделю человеку не давали работать и не работали сами. Вернее, на работу, конечно, являлись, тут был полный ажур. И вроде бы работали, но как бы не в том направлении, за что полу-

чали зарплату. Впрочем, о чем это мы?.. Ах, да. О реагировании на критику.

Теперь, читатель, все позади: добро восторжествовало, зло повержено, газета получила объективную реакцию на выступление, руководитель получил свое, подчиненная, а вслед за ней и вся организация получили нового руководителя. Так что все вроде бы в порядке. Поэтому мы и не называем фамилии, имена и отчества конкретных героев нашей истории, а говорим, так сказать, в обобщенном ключе.

А делаем мы это вот почему. Хотя подобных случаев и не слишком много в нашей будничной жизни, но они кое-где еще, как говорится, имеют место. И о каждом их них в газете не напишешь и каждую фамилию, а тем более имя и отчество не назовешь.

Поэтому автору хочется, чтоб независимо от пола, возраста и семейного положения на эту проблему так или иначе откликнулся каждый читающий. Чтоб он спросил у самого себя: а как я реагирую на критику, замечания и предложения? Как я поступил бы в подобном случае?

Тогда, конечно, нам есть резон выступать с этим фельетоном.

И только в этом случае на наш с вами, читатель, строгий вопрос: «До каких пор это будет продолжаться?» — мы не услышим в ответ другой вопрос:

— А кто это у вас есть в Житомире?..

ТРЯПКА С ИЗЮМИНКОЙ, или Чем бывший работник рассердил нынешнего директора

А сейчас поговорим о тряпках. Точнее, о булках. А еще точнее, о булках с тряпками одновременно...

...У меня зазвонил телефон.

— «Крокодил»? Говорит директор Портянского хлебокомбината Черненко. То, что вы про нас напечатали — про эту булку и эту тряпку, — клевета! Не было этого!

— Чего именно? — уточняю. — Булки не было? Или тряпки?

— Ничего! И булка та не наша, понимаете? Не наша!

Освежим ситуацию. В фельетоне в числе прочих приводился такой факт: в булке с изюмом, купленной в Портянске, читатель Б. (фамилия обнародована в фельетоне, не будем травмировать его вторично) обнаружил... нет, не изюминку, ее он увидел уже потом, а сначала настоящей «изюминкой» в этой замечательной булке оказалась... тряпка. Да не простая, а с текстом, не поддававшимся прочтению по причине рас-

плавчатости чернил. Такая вот попалась содержательная булка. Которую читатель и прислал нам.

— Чита-а-атель?! — вскрикнула в телефоне директор. — Никакой он не читатель, а бывший наш работник. Его уволили, вот он и... А таких булок мы вообще не выпекаем!

Вот так... Я, значит, не я и булка не моя... Выходит, мы ни за что ни про что обидели коллектив? Стало быть, кто-то коварно подбросил нашему читателю в портянской булочной абсолютно иногороднюю, просто-таки чуждую булку да еще с ненашей тряпкой. Чтоб опорочить в глазах общественности дружный коллектив хлебопеков. Но...

Но через пару дней приходит с Портянского комбината «Отзыв на статью в журнале «Крокодил». «...Во-первых, — свидетельствует уже на официальном бланке директор Черненко, — присланная вам покупателем в редакцию булка, возможно, изготовлена не нашим хлебокомбинатом...» Улавливаете нюанс: уже не категорически «таких булок не выпекаем», а «возможно»... Читаем далее: «...Во-вторых: если это булка нашего производства, то необходимо было нам сообщить или вернуть эту булку для установления, откуда попала эта тряпка, раз она была с надписью, для принятия мер к виновным».

Вот тут мы, признаюсь, дали маху. Просто сразу как-то не догадались, не учли такой счастливой возможности, что на той тряпке вполне могли быть совершенно точные сведения об изготовителе булки! И вообще это, конечно, идея: что, если в каждую булку, или баранку, или батон впредь запекать по такой тряпке с исчерпывающими данными об авторе-хлебопеке?! Ну, чтоб ясно было всякому откусывающему от булки-баранки: мол, выпечено Портянским хлебокомбинатом, и тут же — Ф. И. О. пекаря, начальника ОТК, предместкома, секретаря партбюро, директора и, само собой, дата изготовления. Чтоб не возникало никакой путаницы и сомнений в том, чья булка-баранка, чей изюм, но и чья тряпка...

Однако вернемся к нашим баранкам. Вот хотелось поговорить о тряпках, а получилось совсем не о них. И в конечном счете даже не о булках с изюмом. А все о том же: о надоевших проблемах низкого качества, о скверной работе и об отчаянном отпихивании от себя ответственности за плоды этой самой работы. О застарелом синдроме заведомого неприятия малейшей критики в свой адрес. И еще о таких скучных вещах, как стремление во что бы то ни стало дискредитировать самого критикующего. В данном случае читателя, вся вина которого заключается лишь в том, что он «бывший наш работник»... Но ведь и бывшему работнику, как, думается, и самому что ни на есть настоящему директору, вряд ли по вкусу придется булка с тряпкой.

Между тем скверная продукция имеет место быть на комбинате. Это подтвердило вышестоящее начальство портянцев — Управление хлебопекарной и макаронной промышленности облисполкома. «...Критическое выступление журнала признано справедливым», — пишет начальник

управления. И сообщает, что на хлебокомбинате наказаны виновные в нарушении «Инструкции по предотвращению попадания посторонних предметов в продукцию»... Вот, оказывается, даже какая инструкция существует. Тряпками не закидаешь!..

Итак, виновные наказаны, критика признана, но... Но что-то смущает... Вот что: почему же все-таки признание критики пришло не от самих виновных, не от того же директора комбината, а от вышестоящего начальства? Сверху то есть? Почему первым побудительным движением бракоделов было желание отмахнуться, а не стремление поскорее разобратся по существу и принять меры? Почему столь сильна инерция смотреть наверх? Мол, пусть за нас там решат — признавать ли критику. А может, бог даст, сойдет?..

Не сошло. А чего ж в этом сверхъестественного? Так и должно быть по нормальной-то схеме: за брак надо отвечать. Чтoб скорее его исключить. А не заниматься пустопорожними выяснениями, чей сигнал, да чья булка, да чья тряпка...

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ЛОЖКИ

Вы что собираете, читатель? Ну, что-то ведь наверняка коллекционируете, правда? Какие-нибудь дефицитные изделия из папье-маше, редкие значки, атавизмы вымирающих животных или, может быть, этикетки плавленых сырков?.. Без этого сейчас нельзя.

Мы с женой — например, давно и последовательно собираем поваренные книги — разные там «Советы по кулинарии», «Советы молодым хозяйкам», «Приятного аппетита», «Рецепты французской кухни», «Книга о вкусной и здоровой пище» и тому подобные пособия. Вернее, это, конечно, жена их собирает, а я ей их просто покупаю и дарю на торжественные даты — как говорится, вкусно и недорого...

Так вот, уже не один год я, не пропуская ни одной торжественной даты, аккуратно дарю жене все выходящие из печати поваренные книги, а толку чуть! Ничего она, по-моему, из них не заимствует в своей кухонно-кулинарной практике. Ни один из этих рецептов не попал еще на наш семейный стол, по-прежнему все у нас дома делается по старинке, без привлечения передовой научно-поваренной мысли: все те же банальные биточки с жареной картошкой, шашлыки и омлеты, супы из пакетов... Вкусные и, конечно, любовно приготовленные блюда, но... не то! А так иногда хочется в этой будничной суете вдруг увидеть на столе какие-нибудь профитроли или артишоки, да еще в небывалом, экзотическом соусе!..

Вот размечтался я тут, а ведь совершенно забыл, что «пищеваритель-

ные соки начинают выделяться при одной мысли о еде». Именно так совершенно справедливо указано в одной из книг нашей коллекции. И поскольку «аппетит — ощущение потребности в пище — появляется в беседе о вкусной еде», как наставляет нас другой научный труд, разрешим читателю сделать небольшой перерыв на прием пищи, потому что дальше до самого конца фельетона речь как раз и пойдет именно о еде. Но, как рекомендуется в третьем кулинарном пособии, принимая пищу, «помните, что еда должна вызывать приятное чувство сытости, а не пресыщения»...

...Итак, задавшись благой целью максимально разнообразить наш семейный стол, мы с женой углубились в серьезное изучение накопленного кулинарного опыта, чтобы затем без промедления внедрить его в практику. И сразу же поняли, что много лет настоящая, богатая вкусовыми нюансами и необходимыми витаминами жизнь обходила нас стороной. И главное, штудировав учебники и постигая секреты домашней кулинарии, мы узнали много для себя нового и интересного просто о жизни, до чего раньше как-то не додумывались.

Ну, например, из одной такой ученой книги мы открыли для себя, что, оказывается, «температуру измеряют термометром, величина ее выражается в градусах (делениях) шкалы Цельсия», что — как мы раньше-то до этого не дошли сами? — «различают холодную и горячую пищу» (там же), что «кушанья и внешний вид стола должны возбуждать аппетит», что «к обеду или ужину нужно стелить белые скатерти, а к завтраку или полднику — цветные, спокойных тонов...».

— Все, — сказал я жене, — с завтрашнего дня начинаем новую жизнь. Вместо шести утра, правда, придется встать в четыре, чтобы к завтраку успеть подобрать требуемую цветную скатерть и заодно приготовить к ужину на стол что-нибудь белое, спокойных тонов...

Придя с работы, я увидел жену уже на кухне. Она обложила какими-то толстыми, явно не поваренными книгами и, не обратив на меня никакого внимания, что-то вычисляла на логарифмической линейке. На мой недоуменный вопрос она сказала:

— Все надо делать по науке, а не как придется.

— А ужинать мы сегодня будем? — задал я бестактный вопрос. — И если будем, то на скатерти какого цвета?

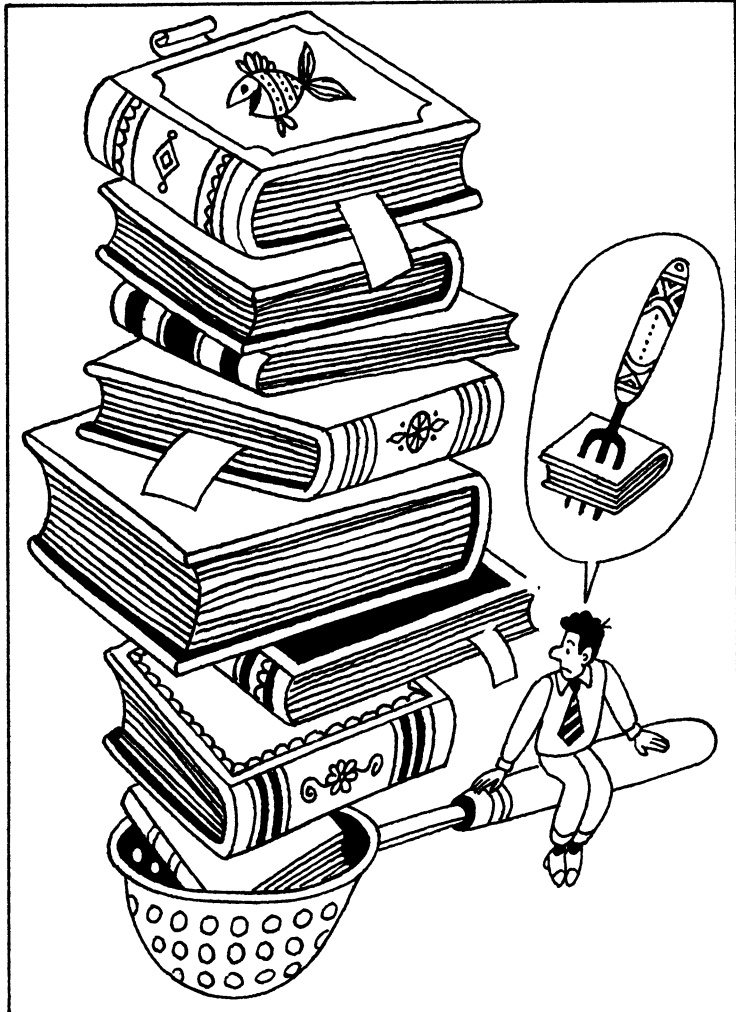
— Подожди, — отмахнулась жена, продолжая что-то считать.

— Ты что, взяла работу на дом? У вас на службе плохо с планом, что ли?

— Нет, на работе у меня все нормально. Это у нас с тобой плохо. С калориями.

— С чем у нас с тобой плохо?

— С калориями. Вот в книге «Приготовление пищи» написано, что «каждой домашней хозяйке следует знать, как с помощью таблиц химического состава и калорийности продукта (см. таблицу 6) можно приблизительно подсчитать калорийность продукта и определить

его химический состав... надо произвести вычисления... умножить... сложить...».

— Но, позволь, ты же приходишь с работы в...

— «Еще проще и быстрее,— продолжала читать она,— вначале подсчитать вес..., а затем умножить на...».

— Да ведь за этими подсчетами ты же не успеешь ничего приготовить!

— Ты же сам захотел использовать рекомендации кулинарных книг, с учетом последних научных данных, говорящих о том, что, например, «соляная кислота способствует активности фермента пепсина... а он воздействует на белки и осуществляет первую стадию переваривания пищи...».

— Давай приступим к первой стадии, а? — почти застонал я от голода.

— Но для этого,— каким-то чужим голосом возразила мне жена,— помещение кухни должно быть светлым, стены на высоту до 2 метров должны быть выложены белыми керамическими плитками...

— Но на голодный желудок я их вряд ли выложу... Что же делать?

— Я пока подсчитаю калорийность, а ты сходи-ка в магазин и купи продуктов: дичи, спаржу, артишоков... Спроси только у продавщицы, сколькими дробинками эта дичь убита.

— А это еще зачем?

— Ну, вот в книге «Рецепты французской кухни» пишут, что если дичь убита одной-двумя дробинками, то...

— Какими дробинками? Ты что, не знаешь наш универсам? Пока я буду выяснять про эти дробинки, я вылечу из магазина, как эта дичь... А зачем тебе понадобились какие-то артишоки?

— Ну, темный ты человек!.. Я хочу сделать вот этот рецепт — артишоки отварные с голландским соусом: перед подачей на стол артишоки осторожно перевернуть доньшками кверху... Наверно, ужасно вкусно!

— А вот в другой книге,— вспомнил я,— про эти самые артишоки черным по белому написано: «Эти богатые витаминами овощи у нас, к сожалению, не выращиваются».

— Да... Чему же верить? И может быть, мы вообще зря с тобой коллекционируем поваренные книги? Может, лучше сбегаю я к Софье Павловне из 53-й квартиры и спишу пару ее рецептов, а?

— Ты, наверное, права,— прошевелил я голодными губами.— Но пока... сделай лучше по-быстрому свои биточки и свари супчика. Хоть из пакета...

...Мы отложили поваренные умные книги и через какие-нибудь пятнадцать минут уже сидели за столом. Часы пробили полночь. Есть уже не хотелось, но надо было. Я придвинул к себе суп и...

— Подожди! Что ты делаешь?! — вдруг спохватилась жена.— Ты что, забыл? «Суп из тарелки нужно зачерпывать по направлению к себе, набирая неполную ложку, так, чтобы можно было донести ее до рта, а не пролив ни капли»!

— Ну, что ты, дорогая, конечно, помню, — успокоил я жену. — Но ты упустила самое главное — «ЛОЖКУ ПОДНОСЯТ КО РТУ ЛЕВОЙ ЧАСТЬЮ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ»...

...ЧТО ХОРОШО ЛЕЖИТ

Как это еще нередко случается, в редакцию пришло письмо. Жаловалась работница молокозавода на вопиющую несправедливость, просила ей помочь. «Работаю на заводе я уже почти шесть лет, — писала она, — имею несколько почетных грамот, благодарностей, ценных подарков. Никаких нареканий по работе, никаких нарушений трудовой дисциплины. И вдруг, ни с того ни с сего, меня увольняют! Представляете?!»

Честно говоря, до этого момента совершенно не представляем, как можно уволить такого достойного работника. Читаем дальше: «...Представляете?! Впервые в жизни задержали меня в проходной с одной бутылкой сливок!»...

Вот, оказывается, в чем дело: столько лет работала, ни разу не попала, ни с одной бутылкой, а тут вдруг — на тебе! Попалась. Не повезло человеку.

И далее бывшая ударная работница с гневом клеймит позором своих подруг-сослуживиц, которые, оказывается, «и заслуг таких, как она, не имеют, и крадут у государства с и с т е м а т и ч е с к и и не меньше чем по 2 (две) бутылки» — и ничего! Она так прямо и пишет: «Таких работниц близко к заводу нельзя подпускать — они рассчитывают в первую очередь не на честный заработок, а на хищение!» А вот наш автор письма — это, конечно, совсем другое дело: она рассчитывает в первую очередь на честный заработок. И только во вторую очередь — на нечестный...

Но что же тут можно посоветовать? Чем помочь? Уйти с этого несправедливого завода? Например, в овощной магазин? Но кто же может дать стопроцентную гарантию, что и в этом овощном среди всяких благодарностей и подарков по привычке вдруг не захочется чего-нибудь такого, бесплатного... ну, к примеру, одной (всего одной!) банки томатного сока или одного-единственного — не о чем говорить! — пучка редиски?!

И потом, как тут различить, кто на что рассчитывает в первую очередь: на честный заработок или на хищение? Вот вы, бывшая работница молокозавода, как прикажете определять эту границу: попался с одной бутылкой сливок раз в неделю — значит, честный человек, с двумя бутылками — расхититель, а если шел через проходную с тремя и не попался — просто молодец, так, что ли?!

И еще вот что. Хорошо вам, вы работали на молокозаводе, где тут и там вам на глаза попадает не что соблазнительное, такое, что, как го-

ворится, плохо лежит. А каково другим работникам? Тем, к примеру, у которых на рабочем месте как нарочно все лежит хорошо? И, кроме того, нет под рукой ничего эдакого соблазнительного, кроме разве что коробки скрепок артикула 623 или простого карандаша фабрики имени Сакко и Ванцетти. Им-то, беднягам, как быть, на что рассчитывать в первую очередь, а на что — во вторую?

Можно было бы, конечно, для эксперимента предложить поменять вас местами. Но дело-то все в том, что, если говорить серьезно, по-настоящему честный человек, каких у нас подавляющее большинство, он ведь и на вашем молокозаводе никогда не возьмет ни бутылки, ни этикетки. А нечестный, наоборот, и в самых что ни на есть невыносимых условиях — в окружении лишь скрепок и карандашей — изыщет все же, что плохо лежит, и попадется-таки в проходной с кульманом за пазухой...

Вы, конечно, замечали, читатель, что в некоторых столовых все вилки, ножи и ложки аккуратно продырявлены? Подумаешь, некрасиво! Зато есть некоторая гарантия, что не пропадет. Ну в самом деле, кому захочется брать себе домой такую безобразную вилку или столовую ложку? И потом стоит подать такой прибор на стол — сразу же видно, что это инвентарь диетической столовой номер такой-то...

...А в курительной комнате одного очень уважаемого культурно-просветительного учреждения в первый день его открытия на низеньких столиках, окруженных удобными кожаными креслами, «хорошо лежали» красивые хрустальные пепельницы. В первый день... В следующий раз я попал в это учреждение недели через две: только на одном из столиков уцелела пепельница. Администрация каким-то чудом успела прикрепить ее к столу проволокой...

...А не бросалось ли вам, читатель, в глаза, что утром в автоматах с газированной водой еле помещаются стаканы, некоторые стоят даже наверху автомата, а к вечеру образовывается здесь длинная очередь — автоматы вроде все работают, но... стакан на всех один...

Можно было бы, к сожалению, и дальше продолжать примеры того, как кое-где иногда еще встречаются отдельные маловысокосознательные граждане, считающие, что общее — это ничье. Мы бы, между прочим, могли даже при желании назвать точные географические координаты, имена и фамилии и бывшей работницы того молокозавода, и других подобных граждан, так пренебрежительно относящихся к нашему с вами, читатель, общему достоянию, пытающихся что-то урвать себе за счет каждого из нас, взять при этом не только то, что плохо, но и что довольно хорошо лежит, или так просто, от нечего делать, изрезать перочинным ножом общую лавку в парке культуры и отдыха, разобрать на составные части телефонную трубку в уличной кабине, оторвать бесплатно билет в троллейбусе без кондуктора...

Но, может быть, не стоило бы рассуждать об этих аномалиях, если бы не это уникальное письмо в редакцию, упомянутое в начале фельето-

на. Тем более что какой это нормальный человек станет обкрадывать самого себя — будь он аппаратчиком на молокозаводе, продавцом в овощном магазине или рядовым прохожим, остановившимся в жаркий день выпить стаканчик газировки из автомата?!

Никакой, конечно. Но, кстати, об автоматах с газированной водой. Руководители столичного Автоматторга подсчитали как-то: каждый год они списывают в среднем около полутора миллионов (!) стаканов...

ВЫЕЗДНАЯ МОДЕЛЬ,

или

О чем говорить, когда не о чем говорить?

Не хожу я на эстрадные концерты. Как представляю, что целый вечер меня будет пытаться рассмешить старыми анекдотами конференсье, не по себе становится. Ну, возможно, я сгущаю. Может, и не все так уж беспросветно. Только лично мне на конференсье почему-то вечно не везет. Но тут, будучи в командировке в Алабинске, увидел афишу: «В помещении театра оперы и балета — лауреат Всесоюзного конкурса, лауреат премии Алабинского комсомола группа «Габриэль»! Ведущий — В. Хорьков». И подумал: может, на этот раз мне повезет? Рискнуть? А-а, была не была!..

...Итак, воскресный дневной концерт, на сцене — конференсье:

— Пожалуйста, не подумайте, что я путаю этот прекрасный театр оперы и балета с Дворцом бракосочетаний, но я убежден, что в зале сегодня присутствуют влюбленные...

Вот как ловко перевел он разговор с театра на любовь. Универсальный, кстати, прием. Для любой аудитории сгодится. Выступаешь, скажем, на площади: «Не подумайте, что я путаю эту прекрасную площадь с Дворцом бракосочетаний, но...» Или даешь концерт свинаркам на их рабочем месте: «Не подумайте, что я путаю эту прекрасную свиноферму с Дворцом бракосочетаний...»

И далее шпарь себе по тексту про любовь:

— Любят всех — толстых и тонких, блондинов и брюнетов. Рыжих любят (пауза для смеха)... конопатых (еще пауза)... Конференсье любят...

Ну, в этом месте, по идее, вообще должен быть обвал, но... сегодня что-то жидковато. Какого им еще рожна надо? Стараешься, остришь изо всех сил... О чем же еще пошутить? А может, им про жажду славы вернуть? Пожалуйста, есть в репертуаре и такой текст. Про то, что каждый, мол, мечтает прославиться, чтоб узнавали его с первого взгляда,

чтоб место в троллейбусе уступали. Если ты, конечно, Климук, Каспаров, Ригерт, Евтушенко или Пугачева... Ну, а как быть, если ты просто Хорьков? И дальше — держитесь за животы — такая хохма: «И поешь, допустим, хуже Каспарова... И гирь можешь поднять меньше, чем Пугачева...»

Ну... что же вы, изверги, даже не улыбнетесь-то? Что вам, жалко, что ли? Хоть бы из вежливости.

Да-а, тяжкая это работа — публику смешить. Тем более эту. Которая ждет не дождется выхода тех, ради кого она и пришла: артистов группы «Габриэль». Тем более что две трети зала — дети лет этак по 13—15, жаждущие «заводных» ритмов и «обалденных» электромелодий. А им вместо этого деловой дядя-конферансье уже полчаса про рыжих да конопатых вещает... Нет-нет, дети, этот дядя абсолютно нормален. Просто он все время шутит и шутит...

— ...Скажем, идете вы по улице и вдруг видите свой портрет! Приятно? Конечно. Но, может, это ошибка? Нет, никакой ошибки, крупными буквами написано: ХОРЬКОВ, такого-то года рождения, отец троих детей, скрывается от уплаты...

Ничего шуточка, а? Ну, как тут не обхохотаться, верно? А дети эти молчат, хоть ты тресни... Что ж, пора, значит, бросать последнюю кость:

— ...Можно звезду новую открыть, можно... ну, не знаю... мазь противополикольную придумать! А чего? Смазал руки — отбойный молоток держат, а стакан выскальзывает...

Ну вот, наконец-то проснулись, голубчики! Гогочут, родимые! Не зря, стало быть, работаем языком, ох, не зря. Ну, раз такое здесь идет, поддадим-ка юнцам еще жару, пока они не остыли:

— Допустим, в субботу... часам к двум... собрались втроем (опять смех, намек понят!)... Иванов, Петров, Сидоров. Попеть собрались. На три голоса... И появился новый обычай: «Не пить, а петь!»

Конферансье перевел дух, поглядел с надеждой в сторону кулис, постоял в раздумье и вдруг... разоткровенничался:

— Да-а... А говорить-то мне, собственно, уже и не о чем. А говорить, как вы сами понимаете, н а д о...

А если не о чем, так, спрашивается, зачем пыжиться, верно? Ан нет, не так, оказывается, все просто:

— ...Представьте себе на секунду, что... вам каждый вечер надо выходить на сцену, о чем-то там говорить... причем неизвестно о чем... Это же ужасно! Поэтому радуйтесь тому, что у вас гарантированная зарплата. А не сколько наболтаешь, столько и получишь...— В этом месте обычно смеются. Потому как это такая веселая шутка. Ну, а если с первого раза никто не прыснет, так можно в крайнем случае шутку еще раз два-три повторить. Чтоб еще смешнее.— У человека хорошее настроение тогда, когда у него все хорошо: здоровье, работа, счастье в семейной жизни. Ну, здоровье у вас, я вижу, хорошее, так? (В зале тишина.) Ну... раз вы сами пришли на концерт... своими ногами... (нервный смех.)

...Ну, и публика пошла! Особенно эти нетерпеливые юные меломаны. То и дело поглядывают за кулисы. Музыку им, видишь ли, подавай. Подождете, будет и музыка в свое время. Когда дядя Владимир Хорьков зарплату свою сполна отболтает.

— ...А что касается счастья в семейной жизни,— продолжает учить уму-разуму дядя,— то это ведь как деньги: или они есть, или их нет... (можно смеяться.) Ну, те, кто пришел с женой, они, конечно, при деньгах, да? (В несовершеннолетних рядах легкое замешательство.) А те, кто со своей женой, тоже в порядке, а?..— Смешно, конечно. Тем более что таких свежих намеков на чужих жен эти юнцы, пожалуй, еще ни от кого не слыхали.

А то — «не о чем говорить, не о чем говорить»!.. Чего зря приbedняться-то? Еще как, оказывается, есть о чем. Особенно перед несовершеннолетними. Особенно в родном Алабинске. Тут-то, поди, любое скушают, можно особо не церемониться...

Не то что в столице. Где, кстати, уже объявлена гастроль группы-лауреата «Габриэль». Там-то, само собой, не все сойдет, потруднее придется. Это ж мы понимаем...

Но и здесь не полный тупик. Выход кое-какой просматривается: оставляем минимум конференса, только самый главный, ударный текст — про антиалкогольную мазь. Это сегодня надо. Да еще, может, эту свежатинку про Каспарова, который поет, и про Пугачеву, которая гири выжимает. Ну, конечно, про обычай «не пить, а петь». Это тоже в духе времени. И все. Такая вот выездная модель. А про остальное полный молчок. Ни про каких там чужих жен, ни про того, который скрывается от уплаты, ни, это уж само собой, про то, что, мол, говорить не о чем...

Это вообще могут не так понять. Чего ж ты, скажут, нынче стоишь, если тебе, артисту эстрады, конференсье, гражданину, наконец, уже и поговорить с людьми не о чем?

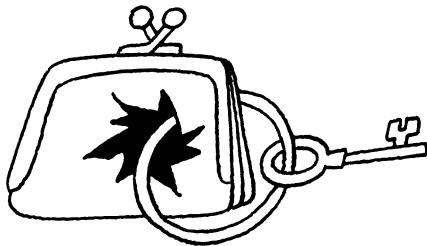
Так вот, от греха подальше, лучше вообще без этого текста. Словом, оставить только эту самую выездную модель, и ничего кроме. И па-а-аехали!

...Итак, Москва, Государственный концертный зал, середина июня, концерт лауреата Всесоюзного конкурса алабинской группы «Габриэль». Конференсье Хорьков запускает «выездную» модель:

— Пожалуйста, не подумайте, что я путаю этот прекрасный концертный зал с Дворцом бракосочетаний, но...

...Нет, не везет мне на конференсье. А вам?

ИЗ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДОВЕДА И ДУШЕЛЮБА ЕВГ. САЗОНОВА

Однажды, по слухам, в клубе «Двенадцать стульев» пропали двенадцать стульев. Потом два из них нашлись. На поиски третьего стула отправился знаменитый людовед, ставший на это время следоведом. Помочь ему в этом благородном деле вызвался ваш корреспондент, который провел

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ В ТРАНСЕ

Часы пробили полдень. Я набрал номер следовода. Несмотря на столь раннее время, мастер, похоже, уже проснулся.

— Ну? — вежливо сказал он в трубку.

— Здравствуйте, — сказал я. — Есть возможность подзаработать.

— Вы же знаете, деньги меня не волнуют, — зевнул в трубку душелюб. — Весь вопрос в том, сколько их. И еще важно, каким способом.

— Способ как раз доступный: писать на этот раз ничего не придется.

— О, это другой разговор, — оживился писатель. — Итак, к делу...

Я поведал следоведу о том, что напал на след еще трех украденных стульев клуба.

— Рассуждаем так: если стулья украдены, значит, их скорее всего стащили. Логично?

— Гениально! — воскликнул я. — Тем более что уже и адрес есть. Мне по благу достали. За дубленку.

— Почему? — вздрогнул голос Сазонова.

— Об этом потом. А сейчас вот что: похититель, видимо, чтобы замести следы, затеял срочный переезд на новое место жительства. И машину уже в трансгагентстве заказал на сегодня. С трех до шести вечера. Боюсь не успеть.

— Ха! Если машина заказана с трех до шести, это значит, что ждать ее можно к полдевятому. Уж мне-то поверьте!..

...Еще бы не поверить Я вспомнил, что месяца этак два назад случайно встретил Евг. Сазонова, выходящего из крытого автофургона «Доставка мебели населению». Он нес на плечах цветной телевизор «Радуга-707».

— Здравствуйте, Евгений, — сказал я и кивнул на телевизор: — У вас что, завелись деньжата? Что-нибудь гениальное удалось переиздать, да? Или где-то служите?

— Служить бы рад, обслуживать вот тошно, — изрек мастер, и на мгновение глаза его загорелись цветным огнем. — У вас нет с собой листков из писательского блокнота? Надо скорей записать эту фразу. По-моему, в ней что-то есть, а?

— Я запомню наизусть. Но, простите... Как я понял, вы сейчас изучаете сферу обслуживания?

— Ее. Целый месяц вон уже подвигаюсь в трансгентстве. Завтра последний день вкалываю... Хватит. Пора за стол.

...Воспоминания об этой случайной встрече нахлынули на меня.

— А что, — сказал я, — если нам воспользоваться вашими связями в трансгентстве?

...Через несколько часов мы с людоведом уже ехали по добытому адресу в крытой машине «Доставка мебели населению» в составе бригады грузчиков трансгентства из пяти человек.

Напрочь забыв на время, что он писатель, Сазонов решительно и демократично позвонил в нужную дверь и, когда открыли, хрипло сказал:

— Здравствуйте. Тут, что ли, переезжают?

Старшим в бригаде был небритый человек лет за сорок по имени Серега, неустойчиво державшийся в пространстве. Он загнал заказчика в угол и, прижав его к стене, проговорил:

— Как будем расплачиваться, хозяин?

— Но... Я уже вроде расплатился. Вот же квитанция...

— Что-о-о? Ребятки, погодь кантовать, погодь! Тут хозяин что-то против нас имеет... Где у тебя телефон? Ага-а, вон он! Давай, я щас по звонку следующему заказчику, что мы к нему уже выезжаем. А этот пусть пока думает.

— Я что-то не очень понимаю вас...

— А чего тут понимать? Полтинничек подбросишь?

— В каком смысле полтинничек?

— В смысле полста.

— В смысле рублей?

— В смысле.

— Да вы что, товарищи, шутите, что ли? Я уже эти полста рублей вашей организации по квитанции уплатил! Вчера.

— Вчера это одно, а сегодня другое. Ну, ладно, жмот ты эдакий, сороковку кидай, и по рукам.

— Но, простите, за что сороковку?

— А за то, дорогуша, чтоб все с твоей рухлядью было сделано тик-в-тик! Как в аптеке. Чтоб в целости, понял?

— Ну вот что, — стал качать права заказчик. — Мало того, что вы приехали на три часа позже обещанного, еще занимаетесь вымогательством! Звони вашему начальству...

— А-а, ну звони, звони. А мы пошли.

— В каком смысле пошли?

— В смысле уезжаем. У нас еще три заказа по наряду.

— В смысле не будете мне грузить, что ли?

— Конечно, в смысле. Пока.

— Ничего не пока! — как закричит хозяин. — Ладно. Погрузите все аккуратно и быстро — кидаю десятку. Все?

— В каком смысле? — остоленел Серега. — В смысле на рыло?

— В смысле на всех.

— Шутишь, хозяин?.. Тридцатник — и деньги вперед.

— Никаких тридцатников! У меня еще целых три дня до получки...

— Тыфу ты, ей-богу! — сказал Серега. — Ты ж нас, друг, тоже пойми: это у нас сегодня третий заказ, а мы всего по двадцатке заработали, а? Ну, приедем на место, хоть банку-то поставишь коллективу?..

Пока Серега вел с клиентом эти мучительные переговоры, мы с душелюбом лихорадочно ощупывали стулья, убеждаясь, что они не наши...

...Грузчики тем временем на ремнях вытащили на лестничную площадку сервант. Оттуда послышался хриплый голос Сереги:

— Эй, хозяин, мигом сюда! Ну, возьми-ка на себя этот гроб. Да ты веселей, веселей. И осторожней кантуй, своя мебель-то небось, не казенная. И чтобы мне все было тик-в-тик. Ясно?..

...Когда мы вышли с людоведом на улицу, он положил свою руку мастера мне на плечо, на котором совсем недавно стоял диван-кровать, и изрек:

— Тебя повергло в транс агентство...

— Блокнота нет, — извинился я перед мастером. — Записать не на чем...

— Ничего, — успокоил он — Теперь надолго запомнишь.

ПЕЙТЕ ИЗ ЛЮБИМОГО ИСТОЧНИКА!

(Разговор на эту самую тему)

История учит, что одноклеточные в свое время размножались делением. То есть без необходимости партнера. Конечно же, ни о каком настоящем чувстве в те времена не могло быть и речи.

Но жизнь брала свое. И нашему человеку, со всеми его радостями

и слабостями, одному стало уже не под силу. Ему уже понадобился партнер. А как с ним быть, он порой еще не знает...

...Ко мне на прием пришла взволнованная тридцатипятилетняя студентка-заочница, ударница, общественный распространитель печати на предприятии. Морозова — а это была она — поведала мне, что в семидесятом году вышла замуж за Кислярского (имен супругов я не называю по их просьбе). И вот примерно лет семнадцать назад что-то в их отношениях надломилось. Назревала семейная драма, которая, того и гляди, привела бы к неудовлетворенности в труде. В этот ответственный период и состоялся у нас с Морозовой такой вот большой и откровенный разговор по душам.

Она: «Доктор, ну... что ли... как нам... понимаете?»

Я: «Еще бы! Трудно дать вам так вот сразу готовый рецепт. Но можно. Вы вспомните Стендаля: «Когда любишь, не хочешь пить другой воды, кроме той, которую находишь в любимом источнике...» Ну, как?»

...И она ушла от меня какая-то просветленная, озаренная где-то. Слезы на глазах, руки, вижу, дрожат, да и колени тоже, а сам внутри радуясь: значит, своим дельным советом помог я человеку!

...А через какое-то время получаю от Морозовой письмо. Признаться, с волнением разрывал я конверт. А в нем сообщение, что родилась двойня! Девочек назвали Григориями. Видимо, в мою честь...

Или другой случай. Эта темноволосая стройная женщина с какими-то неожиданно умными глазами пришла ко мне в кабинет не сразу. Перед тем как открыть дверь, она много пересомневалась, перестрадала, перемучилась. Потом, уже войдя, сказала, что, перед тем как открыть дверь, она много перестрадала, перемучилась, пересомневалась. Обращалась в профсоюзный актив, общественный совет, в кассу... Но там не помогли: видимо, было уже поздно. Тогда пришла к нам. И вот она сидит передо мной, известным врачом, чутким педагогом и хорошим писателем, и не знает, с чего начать. Нервно теребит скатерть. Потом кладет ее себе под ноги — так ей легче говорить. И наконец — как вопль души:

— Не могу с таким жить!!! Как останемся с ним наедине, так прямо невозможно: начинает читать мне вслух Боккаччо! А мне-то... мне-то хочется другого, доктор! Я-то его хочу к нашему Лермонтову приучить. «Белеет парус одинокий! В тумане моря голубом!..» Помните? А он, мятежный, — ни в какую! Особенно ему почему-то не нравится, когда мы одновременно вслух читаем: он — своего Боккаччо, а я — нашего Лермонтова. Помогите нам, доктор!..

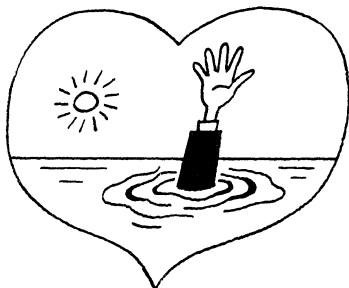
...На этом примере ясно видно, как тонкие проблемы любви переходят в духовную сферу. Поэтому я верю, что эти молодожены расстанутся друзьями.

Как видите, вопросы пола — это прежде всего вопросы личного и общественного, физического и умственного, города и деревни. К сожалению, обсуждение их до появления этой статьи считалось чем-то непри-

личным и несимпатичным. Это вело к многочисленным разводам, а следовательно, к душевным и производственным травмам и резкому снижению рождаемости нового славного поколения, что особенно остро ощущалось в городах, селах, рабочих поселках городского типа, кишлаках и пустынях.

А виноваты в этом прежде всего мы — врачи и педагоги, члены Союза и случайные прохожие. Кому же, как не нам, вовремя протянуть бы вступающим в брак руку помощи и сказать: «Дорогие жених и невеста! Вот вы сейчас собрались в загс. Это отрадно. Но были ли вы у специалиста? Или хотя бы просто у бывалого человека?»

Что и говорить, это принесло бы последним неоценимую пользу.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Игра	3
Один за всех	4
Хочется подняться	6
Реклама	7
Трешка с мелочью	9
Хороший автомат	11
Избитая тема	13
Здрасьте — привет	14
Кости для шефа	15
Паника	18
Два секретаря	19

ФЕЛЬЕТОНЫ

Эти коварные костяшки	22
А кто у вас в Житомире?	25
Тряпка с изюминкой	28
На переднем крае ложки	31
... Что хорошо лежит	35
Выездная модель	37

ПАРОДИИ

Из частной жизни людоведа и душелюба	
Евг. Сазонова	42
Пейте из любимого источника!	45

КРОШИН Григорий Максович

ОДИН ЗА ВСЕХ

Рассказы, фельетоны, пародии

Редактор Э. И. Полянский
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 07.04.89. Подписано к печати 30.05.89.
А 00300. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печ. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,45. Уч.-изд. л. 2,94. Тираж 75 000.
Заказ № 466. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

136 СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Сейчас, как известно, эпоха сокращения штатов, а значит, совмещения профессий, плавно переходящего в узкую специализацию. Это отчетливо прослеживается на судьбе автора. По образованию он инженер-гидротехник, по склонности характера — журналист-сатирик. В качестве вещественных доказательств имеет несколько дипломов: как гидротехник — диплом инженера, как сатирик — два диплома лауреата премии «Крокодила» и еще один — премии Московской организации Союза журналистов СССР. Долгое время лез из кожи вон, чтобы совмещение профессий не мешало конечному результату. То есть чтоб инженерная работа с водой не была смехотворной, а в сатирических сочинениях было поменьше воды и побольше смеха. Посему сочинения эти, как правило, короткие, без воды.

Но отныне совместительству пришел конец, и сейчас автор — узкий специалист широкого профиля, каким и обязан быть штатный корреспондент «Крокодила». Свежий итог индивидуальной трудовой деятельности автора перед вами, читатель, — эта, вторая уже, крокодильская книжечка. Хорошо бы не последняя.

20 коп.

Индекс 72996

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1989. № 15. 1—48.

